

Французское рабочее движение на распутьи¹⁾.

Тот, кто мало-мальски знаком с французским рабочим движением, не может не испытывать глубокого беспокойства при виде той путаницы, которая господствует в настоящее время как в центре, так и на местах. Это беспокойство об участии французского рабочего движения заставляет нас изучить причины этого явления и рассмотреть возможный исход из этого кризиса, что должно явиться важнейшей задачей предстоящего конгресса в Сент-Этьене.

Найдутся во Франции чудаки, которые увидят в нашей попытке объективно рассмотреть вопрос—вмешательство в чужие дела, нарушение автономии и независимости и т. д., и т. д. Благодаря усердию не по разуму некоторых товарищей, которые очень много говорят и пишут, но очень мало думают, слова «автономия и независимость» захватаны, как старая, истертая монета. Трудно понять вообще, что означает эта словесность, ибо каждый из них на свой лад имеет два или три объяснения этого слова. Вот почему, рискуя быть обвиненным в нарушении автономии Унитарной Конфедерации Труда и совершении других смертных грехов, я выскажу целиком то, что я думаю по поводу предстоящего конгресса.

Причины кризиса французского рабочего движения.

Путаница была вызвана, прежде всего, отливом рабочего движения во всех странах, который начался в середине 1920 года. Приблизительно с этого времени буржуазия перешла от защиты в наступление. Что представляет собой самую главную силу буржуазии? Это—моральное ее влияние, которое она оказывает на пролетариат. Она развращает своей прессой, своими бегами и всеми другими благодеяниями буржуазной цивилизации. Господа Жуо, Мерргейм и Дюмулен имеют сомни-

¹⁾ Перевод с французского.

тельную честь и печальное мужество защищать интересы их, буржуазных доверителей, и они это делали и делают, несомненно, с большим талантом. Иметь рабочих лидеров, играющих роль цепных собак,—это величайшая моральная победа буржуазии. Неудивительно, что под влиянием растущего наступления капитала и потери реформистами своей независимости—апатия, пассивность и разочарование влились в рабочие массы. Все это совершенно естественно, как естественно, что г.г. Жуо и К^о изобрели в настоящее время систему петиций, как средство давления на буржуазию, не подозревая, вероятно, что они заимствовали это «могущественное» средство у русских меньшевиков, которые в 1905 году предприняли эту комедию в России. Мы уже тогда были против этого, тем больше мы против этого теперь. Эти петиции могут также защищать 8-часовой рабочий день, как посылка почтовых пацифистских карточек г-ну Пуанкаре может помешать французской буржуазии впутаться в новую военную авантюру. Эта деморализация рабочего движения развязывает руки буржуазии, которая продолжает вести жестокую атаку против революции вне и внутри страны. Нет достаточного противодействия, потому что революционные силы рассеяны, и потому что в передовых группировках рабочего класса господствует путаница, которая мешает им осуществлять ту тактику, которая требуется часто меняющимися условиями борьбы.

Мертвый хватает живого.

Характерная особенность французского профдвижения—это господство абстрактных формул, преклонение перед традициями и уверенность руководителей, что французское профдвижение является наиболее передовым и наиболее революционным во всем мире. Господство абстрактных формул видно по тому, как синдикалисты привязаны к Амьенской Хартии. Если послушать рыцарей этой дамы довольно солидного возраста, Хартия дала и дает еще в настоящее время ответ на все вопросы, поставленные пред рабочим движением. Правда, что Хартия эта была написана до войны и революции, но это не имеет никакого значения; она написана для всех времен и для всех народов. Правда, в то время, как синдикалисты-революционеры преклоняются пред этой Хартией, Жуо и Мер-

ргейм также не могут сесть за стол без этого удобного во всех отношениях документа. Таким образом, реформисты, синдикалисты, чистые и не чистые анархисты—все цепляются за эту Хартию, делая из нее общий щит против растущего коммунизма.

Амьенская Хартия для того периода, в какой она была принята, имела ограниченное значение. Но только те могут делать из этой временной резолюции базу для будущей деятельности в условиях распада капитализма, для которых любовь к прошлому затемняет настоящее и ближайшее будущее. Это преклонение пред Хартией является постоянным самолюбованием. С колыбели французская буржуазия впитывает каждому французу мысль о превосходстве его страны. Франция является самой лучшей, самой работающей, самой справедливой, самой гуманной, самой свободной, самой демократической, самой веселой, самой прекрасной, самой богатой и т. д. во всем мире, и даже среди революционных элементов создается впечатление, что французское профессиональное движение является самым передовым, создается теория, что Франция является центром всего мира, а профдвижение является центром этого центра. Отсюда притязания и особые требования, предъявляемые синдикалистами к Интернационалу. Французские синдикалисты думают, что французское профдвижение идет во главе рабочего движения всех стран. Но это ошибка, это было во время Коммуны. Предки сделали революцию, но это не дает права потомкам жить процентами с революционного капитала. Наши французские товарищи слишком живут прошлым. Нельзя удовлетвориться изучением истории, надо немножко изучать и географию, и если бы французские синдикалисты взяли на себя труд поинтересоваться тем, что происходит вокруг них, они бы убедились, что центр революционного движения не в их стране, и им есть чему поучиться у их братьев по классу в других странах. Но французские синдикалисты настолько уверены в их превосходстве, что им даже не приходит в голову изучить серьезно рабочее движение других стран и воспользоваться опытом других в своей борьбе.

Независимость и автономия.

Чем больше пишут об этих великолепных вещах, тем менее можно понять, что под этим подразумевают пламенные

сторонники независимости и автономии. Насколько можно уловить мысль, которая воодушевляет многочисленные резолюции сторонников независимости, вот что разумеется под этими терминами:

1) Французские профсоюзы сделают сами революцию и обеспечат ее реализацию.

2) После победы над буржуазией союзы возьмут в свои руки управление производством и упразднят государство.

3) Диктатура вещь очень плохая. Поэтому на другой день после победы синдикалисты предоставят каждому делать все, что он хочет.

4) Синдикализм должен занимать первое место в Интернационале, не считаясь с удельным весом, который он занимает в мировой борьбе против буржуазии.

5) Интернационал является организацией, где каждый делает, что хочет и как хочет, и чем меньше имеется единства между рабочими разных стран, тем больше автономии.

6) Один раз в год рабочие всех стран собираются на конгресс для пения «Интернационала» и принимают резолюции. После этого Интернационалу нечего делать до следующего конгресса, ибо малейшая активность с его стороны является не чем иным, как вмешательством в чужие дела, нарушением независимости и автономии профессиональных организаций.

7) Обет молчания обязателен только для Интернационала, а не для синдикалистов. Для синдикалистов, занимающих первое место, обязательно обратное. Они принимают резолюции против всякой диктатуры, протестуют против внешней и внутренней политики Советов, резко критикуют 3-й Интернационал и Профиштерн, и так как это делают синдикалисты, это ни в какой мере не нарушает ни автономии, ни независимости вышеуказанных организаций.

8) Но в виду того, что Интернационал не является орденом молчания, а органом действия, его резолюции, предложения, методы борьбы—одним словом, все то, что исходит от него и что не нравится анархо-синдикалистам, об'является «указом», а так как автономия дороже жизни, то поэтому—«долой вмешательство»...

9) Для того, чтобы ободрить примыкающие к Интернационалу организации, необходимо от времени до времени рассылать им письма и восхвалять их, независимо от того, что

они делают. Нельзя ни в коем случае гладить их против шерсти даже в том случае, если организация делает контр-революционную работу, как это имело место в Германии, когда локалисты выступили во время мартовского восстания вместе с буржуазией и социал-демократией против расстреливаемых революционных рабочих.

10) В случае, если Интернационал вынужден принять какие бы то ни было решения, они должны быть сформулированы таким образом, чтобы они удовлетворили всех. Нужно особенно заботиться о том, чтобы все синдикалисты были довольны, ибо если найдется один синдикалист, который будет недоволен, то это будет уже нарушением его автономии и независимости.

11) В латинских странах, где рабочее движение имеет особенный характер, никакая органическая связь между политическими партиями и профсоюзами невозможна и неосуществима. От случая к случаю возможны совместные действия.

12) В этих странах политические партии должны следовать лозунгам профсоюзов, ибо авангард пролетариата—это синдикалисты, а не коммунисты.

13) Взаимное представительство Коминтерна и Профинтерна должно быть уничтожено, ибо присутствие представителей Коминтерна на заседаниях Профинтерна является подчинением профдвижения коммунистическим партиям.

Вот что можно выудить из многочисленных статей и резолюций, с которыми нам удалось познакомиться. Всякий беспристрастный читатель поймет, что нельзя принять всерьез обещания анархо-синдикалистов сделать революцию без коммунистических партий. Мы не обязаны им верить на слово. Мы никого никогда не обязывали делать революцию «по-русски». Ради бога, делайте, как хотите, но делайте и не смешивайте революцию с резолюцией!

Что касается протеста против всякой диктатуры, то не кажется ли вам странным, что эти протестанты чувствуют себя лучше при диктатуре буржуазии, чем при диктатуре пролетариата, и что они хотят под покровом независимости проташить анархическую теорию? Из всех этих пунктов только 11-й и 13-й содержат более или менее определенные конкретные, практические идеи. Я заявляю, что ни первый Между-

народный Конгресс Профсоюзов, ни Исполнительное Бюро Профинтерна не думали принудить французские союзы установить органическую связь с коммунистической партией. Мы хотим координации действий в оборонительной и наступательной борьбе против капитала, и если бы этой координации действий не существовало во Франции, что же, Профинтерн исключил бы французские организации? Очевидно, нет. Если бы руководители Унитарной Конфедерации Труда имели малейшее желание найти почву для соглашения, если бы некоторые члены Административной Комиссии не стремились во что бы то ни стало срывать соглашения с Профинтерном в целях создания своего анархо-синдикалистского Интернационала, то можно было бы столкнуться в полчаса. Можно было бы в полчаса установить, что Профинтерн не требует от У. К. Т. отречения от своих принципов и отказа от автономии и независимости. Четыре раза Профинтерн заявлял это, и каждый раз те, кто хотел во что бы то ни стало разрыва, поворачивали вопрос в другом направлении, делая все от них зависящее, чтобы замутировать воду, в надежде поймать в этой мутной воде свой маленький складной Интернационал. Что касается вопроса о взаимном представительстве Профинтерна и Коминтерна, то французские товарищи могут его поставить перед Конгрессом, который рассмотрит этот вопрос. Но, что нужно иметь особенно в виду, это то, что для коммунистов центр тяжести вопроса не во взаимном представительстве, а в совместных революционных действиях. Но если синдикалисты окажутся в меньшинстве по этому вопросу, то неужели это будет достаточным основанием для того, чтобы уйти? Странное представление имеют наши товарищи об Интернационале: если каждая организация входит туда со своими резолюциями и ультимативно требует их принятия, то такой Интернационал невозможен. Всегда есть меньшинство и большинство. Если бы идти по этому пути, то У. К. Т. должна будет распасться на отдельные части, как только одно из ее решений не понравится той или другой федерации. Но, ведь, это чудовищный абсурд. Самое худшее, что могло бы быть, это, если бы Сент-Этьенский Конгресс принял по вопросу об Интернационале какую-нибудь путаную резолюцию. В той путанице идей, при которой мы присутствуем, обычно рождается белый негр. После этого никто не знает, что нужно делать с принятой резо-

лющей, ибо она написана с целью, как говорит французская пословица, удовлетворить весь мир и также своего отца, что, как известно, крайне трудно.

Об едином фронте.

Что такое единый фронт? Попытка объединить рабочих всех направлений в борьбе против наступающего капитала. Почему же во Франции превратили этот единый фронт в чудовище? Почему говорили здесь о единстве с диссидентами, о левом блоке, о желании смягчить борьбу с буржуазией? Одним словом, почему единый фронт превратили в «чудовищный» фронт? Потому, что коммунистическая партия не чувствует себя рабочей партией и она сама не уверена еще в своих силах. В партии имеются, с одной стороны, оппортунистические элементы, которые мечтают о счастливых временах до-Турского Конгресса, а с другой стороны, элементы анархистствующие, которые скрывают их пассивность за пышными фразами. Совершенно очевидно, что левый блок, участие в буржуазном министерстве, имеет такое же отношение к единому фронту, как реформистская Конфедерация Труда к революции. Все это изобретено для того, чтобы запугать самих себя. Но оставим в стороне партию и перейдем к синдикатам. Во главе Унитарной Конфедерации Труда находятся, как известно, революционеры, и вот почему они постановили: «Унитарной Конфедерации Труда, которая является организацией пролетарской, незачем заниматься вопросом о едином фронте». Все гениальные решения просты. А дальше что? Почему же эта организация носит название «Унитарной»? Неужели это название является исключительно демагогическим маневром, и хотят под флагом единства провести не более и не менее, как раскольнический товар? Что означает такая резолюция? Она означает, что наши товарищи, стоящие во главе французских революционных профсоюзов, сами не знают, почему их организация носит название «Унитарной», что они относятся очень легко к единству профдвижения, и если так дело будет тянуться, то реформистская Конфедерация Труда публично похвалит их за умелую дезорганизацию революционных рядов. Французское профдвижение ослаблено расколом. Задача

революционных союзов—приложить все усилия для того, чтобы создать единство, чтобы слить параллельные организации так, чтобы каждый рабочий, независимо от его политических убеждений, мог принять участие в профсоюзе, чтобы каждый член реформистского союза знал, что революционные союзы всегда готовы создать единый фронт с другими союзами против капитала, и если это единство в борьбе не существует, то вина ложится целиком на реформистских руководителей. Это может быть осуществлено только лишь при условии, если не только будет вывеска: «Унитарная», но если ежедневная работа каждого союза в частности и всех союзов вместе будет проникнута следующей идеей: единство профсоюзов прежде всего. Как реализовать это единство? Путем единства действий в защите элементарных экономических интересов рабочего класса. Положение во Франции таково, что ни один революционный союз не может вести с успехом не только наступательную борьбу, но даже и оборонительную против капитала без и особенно против параллельных реформистских союзов. Или Унитарная Конфедерация Труда чувствует себя достаточно сильной, чтобы сохранить оставшиеся завоевания французского пролетариата без реформистских союзов? Если это так, то пусть она это скажет. Однако, каждый знает, что единый фронт необходим. Зачем же тогда принимать так легко резолюции, которые не говорят ничего? Зачем эта фразеология, которая может только лишь затруднить дальнейшее привлечение новых членов? Неужели руководители У. К. Т. хотят создать профсоюзы только лишь из лиц одного и того же образа мыслей? Ведь, тогда это не будет профсоюз, это будет политическая группировка. Если У. К. Т. будет идти по пути, на который ее тянут ее теперешние руководители, рабочие уйдут из профсоюзов, которые превратятся в скелетические и - тощие организации. Для того, чтобы можно было создать единый фронт с реформистскими союзами, нужно, прежде всего, создать единый фронт внутри революционных союзов. Единый фронт внутри революционных союзов не значит, что нужно замалчивать и не обсуждать важнейших вопросов. Из боязни борьбы мнений рождается философия страха. «Замолчим», говорят некоторые товарищи. Но, почему нужно молчать? Нет, не молчать и не обходить молчанием. Нужно сказать то, что должно быть сказано. Максимум ясности в наших соб-

ственных рядах является предварительным условием тактики единого фронта, отказ от которой привел бы французское профдвижение к развалу и разгрому.

Важнейшие задачи движения.

Когда наступит решительная и окончательная борьба, никто не знает. Поэтому необходимо активно подготовить наши силы и держать наготове нашу пролетарскую армию. На классовом фронте борьба не прекращается ни на один момент. Отдельные стычки имеют место на всем классовом поле брани. Важнейшая задача—это знать свои собственные силы и систематически и планомерно увеличивать их. Мы не можем объявить принудительную классовую мобилизацию, а между тем, для победы нам нужно иметь профессиональную высоко-сознательную армию. Таким образом, на первый план выдвигается вопрос о вербовке новых членов. Все наше внимание должно быть направлено на увеличение нашей армии и на усиление ее классового состава. Надо изыскать новые методы вербовки, чтобы улучшить наш кадр и структуру профсоюзов. Пора покончить с карликовыми синдикатами, надо перейти к концентрации наших сил по производствам. Не надо ни на одну минуту оставлять мысль о создании фабрично-заводских комитетов. Рабочий контроль должен стать практической задачей сегодняшнего дня. Но так как фабрично-заводские комитеты являются еще вопросом завтрашнего дня для Франции, то ясно, что они не могут стать центром для конкретной и практической тактики сегодняшнего дня. В центре борьбы должен быть вопрос о 8-часовом рабочем дне, о дороговизне жилищ, условия труда, рабочее законодательство, и т. д. В этой области, мне кажется, У. К. Т. не развила всех своих возможностей. Рабочие не знают еще, что У. К. Т. является важнейшей силой, противодействующей продолжению рабочего дня. Ни одной серьезной битвы не было еще проведено для сохранения 8-часового рабочего дня, которая бы охватила сотни, тысячи и миллионы рабочих. До настоящего времени были только лишь маленькие аванпостные стычки, которые не дают еще возможности широким массам сделать заключение, что центром является У. К. Т. Я не хочу этим сказать, что нужно искусственно создавать массовые конфликты. Прежде всего, невозможно искусственно

втянуть миллионы рабочих в борьбу. Я хочу подчеркнуть, что У. К. Т. в том виде, в каком она сейчас находится, не подготовлена еще для руководства массовой борьбой, если таковая вспыхнет. У нее не хватает еще опыта и достаточных сил. Есть ли это упрек? Ни в коем случае. Это лишь анализ. Что хуже всего, это нарочитое ослепление. Но демагоги и жалкие политиканы, презирающие рабочий класс и его организации, льстят ему всегда, и кто же не знает, что это является лучшим способом для того, чтобы обделать свои маленькие делишки? Да, Унитарная Конфедерация Труда еще слаба в настоящее время, и чем яснее ее руководители отдадут себе в этом отчет, тем скорее они усилят свою организацию. Только в борьбе можно усилить и закалить ее. Но так как история хочет того, чтобы крушение капитализма шло гораздо медленнее, чем мы этого хотели бы, необходимо, чтобы тактика революционных организаций соответствовала замедленному развитию событий. Революцию не далают, она делается сама, она сама приходит. Каждый революционер обязан систематически готовить революцию, и каждая революционная организация обязана не быть захваченной врасплох событиями. Смотрите на буржуазию: с какой ловкостью и с каким знанием она проделывает свои дела. Учитесь классовой солидарности у наших классовых врагов. Изучайте практику борьбы у рабочих других стран и только тогда вы найдете лучший и наиболее короткий путь к широким массам французского пролетариата.

З а к л ю ч е н и е.

Положение Унитарной Конфедерации Труда трудное. В мелко-буржуазной стране, где господствует банковский капитал, где опьянение победой кружит еще много и много пролетарских голов, где десятки и сотни синдикалистов и анархистов—трубадуры революции, перешли в лагерь наших классовых врагов, где буржуазия под знаменем Великой Французской Революции идет во главе мировой реакции,—в этой стране очень трудно применять революционную тактику. В борьбе идей некоторые индивидуальности выходят в тираж, другие вольно или невольно уходят, но, так как рабочий класс остается со всей его нищетой, борьба эта остается, и, вместе с тем, остается главная цель Унитарной Конфедерации Труда—коммунизм.

Как готовиться к окончательной и решительной борьбе—этот вопрос, который занимал меня здесь? Я сказал здесь много неприятных вещей. Некоторые найдут такое вмешательство абсолютно недопустимым. Сторонники вежливости отметят наверное совершенно невозможный тон и слишком резкие выражения.

Может быть, может быть. Я хотел бы, чтобы вопрос был рассмотрен по существу и каждый рабочий знал, что если я формулирую мои мысли немножко резко, то не из желания обидеть кого бы то ни было, но высказать—как это советовал Лассаль—то, что есть. Я слишком люблю рабочее движение Франции, чтобы обойти молчанием его слабые стороны. Все, что происходит в каждом синдикате, в каждой федерации и в У. К. Т., меня непосредственно касается и я не могу не высказать то, что меня волнует и беспокоит. Первая заповедь революционера—это самокритика.

Французское рабочее движение на распутьи. От Сент-Этьенского Конгресса зависит облегчить и увеличить собрание революционных сил, выковать крепкую, единую и компактную организацию, или увеличить внутренние разногласия, путаницу и неуверенность в революционном движении Франции. Я уверен, что Сент-Этьенский Конгресс выберет первый путь и что он с удесятенной силой поведет борьбу за освобождение рабочего класса, за коммунизм.

(La Lutte de classes № 4. Париж, 15 июня 1922 г.)

